

НЕПЕРЕВОД И ПЕРЕВОД У ХАЙДЕГГЕРА, ЛОСЕВА И ОРТЕГИ-И-ГАССЕТА

Н. М. Азарова

Институт языкознания РАН
Россия, 125009, Москва, Большой Кисловский пер., 1 стр. 1
Поступила в редакцию 10.10.2022 г.
Принята к публикации 02.02.2023 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2023-3-1

Статья посвящена отношению М. Хайдеггера, А. Ф. Лосева и Х. Ортеги-и-Гассета к возможности и необходимости перевода философских текстов. Концепция неперевода – это признание невозможности адекватного воспроизведения философского текста на другом языке при сохранении его целостности. Особенно интересными для сопоставления представляются концепции и практики перевода / неперевода в работах, написанных в одно и то же время (1920–1940-е годы), в которых обнаруживается немало точек соприкосновения. Все три философа отрицают конвенциональный перевод, предлагая вместо этого мыслить все обыденные слова как философские понятия. Несмотря на то, что в результате подобного подхода текст может показаться противоречащим привычным нормам, философы настаивают на необходимости нарушения конвенции. Оппозиция перевод vs неперевод соотносится как с многоязычным обликом текста, так и с проблемой иерархии языков, а также с отношением к переводу чужих и своих текстов. Лосев и Хайдеггер используют технику ретроспективного перевода, подразумевающую этимологизацию или контекстуализацию текстов более древних, чем текст переводимый; этимологизацию (наряду с комментарием) понимает как способ переноса идеи в иную культурную систему и Ортега-и-Гассет, называвший человека «этимологическим животным». При интерпретирующем переводе Лосева чужие переводы или переводы на другие языки рассматриваются как интерпретации и превращаются в объект изучения. Если Хайдеггер неоднократно выступает с критикой понимания языка как коммуникации, а Ортега-и-Гассет занимает принципиально антикоммуникативную позицию, то у Лосева, напротив, на коммуникации сделан акцент. Лосев и Хайдеггер оперируют понятием ясности: первый последовательно идет к достижению максимальной ясности, используя апофатические техники отсечения нерелевантных интерпретаций значений, но ясность для него – это скорее пропедевтическая задача; второй не ставит задачу достижения ясности, а использует технику бесконечного прояснения. Оба подхода позволяют поставить вопрос, применим ли критерий научности к переводу философского текста.

Ключевые слова: Хайдеггер, Лосев, Ортега-и-Гассет, перевод философских текстов, неперевод

Тема «Лосев и перевод» или «Хайдеггер и перевод» традиционно рассматривается в ключе перевода текстов философов на разные языки, но нас будет интересовать ее обратная сторона – А. Ф. Лосев, Мартин

Хайдеггер и Хосе Ортега-и-Гассет как теоретики перевода¹. Особо интересными для сопоставления представляются концепции и практики перевода / неперевода в работах, которые были написаны в одно и то же время (1920–1950-е годы) и обнаруживают немало точек соприкосновения между их авторами — как философами и филологами-классиками одновременно. Процесс перевода наиболее полно описан Хайдеггером в работе «Der Spruch des Anaximander» («Изречение Анаксимандра»; 1946)², у Лосева — в «Диалектике числа у Плотина» (1928), у Ортеги-и-Гассета — в «El hombre y la gente» («Человек и люди»; 1949–1950).

Концепция *неперевода* — это признание невозможности адекватного воспроизведения философского текста на другом языке при сохранении его целостности. Так, и Лосев, и Хайдеггер отрицают *конвенциональный* (словарный, принятый) перевод: для них обих перевод — это переход в другую культурную систему, где слова родного языка начинают звучать непривычно. Подобный перевод / неперевод должен быть осуществлен невзирая на то, насколько «насильственным», «неправильным», «неверным» он может показаться. Его можно назвать *непереводом* и потому, что он не всегда осуществляется между двумя языками, но иногда в рамках одного языка — *über-gesetzt*, а не *übersetzt*³ (Moore, 2016, p. 92). И если для Лосева переводить — это прежде всего «известным образом понимать и интерпретировать» (Бибихин, 2006, с. 943), то концепция перевода у Хайдеггера сводится к трем следующим положениям:

- метафизика отрывает язык от его истоков и реального содержания;
- задача философа — повернуть этот процесс обратно и привести язык к нему самому;
- такая операция становится возможной благодаря переводу, развивающему новую внимательность к родному языку.

Таким образом, перевод — это не только и не сколько перевод на другие языки; перевод философа философом — всегда перевод в другую культурную систему⁴, то есть «аккомодация». Например, Лосев ставит задачу «попытаться перевести [учение Плотина] на язык современ-

¹ Здесь нужно упомянуть обширную литературу о том, как переводить знаменитые хайдеггеровские термины *Dasein*, *Ereignis* и другие (De Gennaro, 2000; Maly, 2000; Groth, 2017).

² Некоторые мысли о языке в знаменитых работах 1950-х годов («Das Wesen der Sprache», «Der Weg zur Sprache», «Die Sprache») также имеют отношение, хотя и не прямое, к теме перевода.

³ *Über-gesetzt* — это хайдеггеровский неологизм, который не может быть адекватно переведен вне философского текста, однако формулу *über-gesetzt*, а не *übersetzt* очень приблизительно можно обозначить как «перепоставленное, а не переставленное», или «перепосаженное, а не пересаженное», или «перевнесенное, а не перенесенное», или «перепомещенное, а не перемещенное», хотя словарное значение *übersetzt* — это «переведенное».

⁴ См. также у С. Фокина: «философия перевода включает в себе историческое становление идеи перевода в тесной связи с идеей философии, как она развивается в той или иной национальной культуре» (Фокин, 2011, с. 214).

ного философского сознания» (Лосев, 1999, с. 825). Ключевое слово здесь — *современное*. Это движение осуществляется в две стороны: из Античности к современности и из современности к греческой классике. Ср. характерное высказывание Лосева: «Жалкое понимание структуры у теперешних. Шаумян среди них однако занят делом. Его порождающая модель взята из античности» (Бибихин, 2006, с. 22).

По Хайдеггеру, мы должны не переводить текст с языка на язык, а переводить само наше мышление, причем — на греческий. Перевод для него — это переход в иную культурную систему, и среди таковых именно греческая представляет собой рассвет, где Бытие *проявляет* (просвечивает) себя и заявляет о присутствии человека. «Поворот к языку» у Хайдеггера (1942)⁵ во многом пересекается со знаменитой поэтической функцией языка по Якобсону, и это отражается и в подходе к переводу. В то же время для Хайдеггера поэтическая функция языка в переводе не равна якобсоновской: перевод, по его мысли, осуществляет переход от *духа* одного языка к *духу* другого (Heidegger, 1950b), — высказывание, продолжающее гумбольдтовскую тему духа языка. Переместиться в дух другого языка — с точки зрения принятых современных переводоведческих терминов — значит отрицать доместикацию и одновременно избегать форенизации. Переводчик, отказываясь от привычных словарных значений, оказывается на сравнительно незнакомой территории.

Хосе Ортега-и-Гассет еще более, чем Хайдеггер, настаивает на сохранении «экзотического» характера философского или художественного текста в переводе (Ortega y Gasset, 2016). Испанский философ воспринимает перевод как долг одной цивилизации (или одной культурной системы) перед другой и в то же время в предисловии к переводу средневекового арабского автора Ибн Хазма декларирует невозможность перенесения «идеи» из одной культуры в другую (Ortega y Gasset, 1952, p. 13). Призывая покончить с чисто вербальной филологией в переводе, Ортега-и-Гассет предлагает переключиться на сам предмет (в случае Ибн Хазма — любовь) и то, как он функционирует в другой культурной системе. При этом различия в культурных системах, делающие невозможным конвенциональный перевод, он усматривает и в том, что в каждом традиционном сообществе говорящих складывается свое соотношение между «сказать» (*decir*) и «молчать» (*callar*), а «ничтожество» (*miseria*) перевода объясняется невозможностью ухватить и передать такие *сказать* и *молчать* оригинального текста (Ortega Arjonilla, 1998, p. 104).

В свою очередь Хайдеггер надеется сохранить исторический дух языка, понимая перевод не как отражение или узурпирование, а как творческую апроприацию, которая позволяет идти дальше вглубь как родного языка, так и языка оригинала. Идти вглубь — основная формула техники перевода Хайдеггера: он призывает к новой внимательности к языку, что подразумевает прежде всего возвращение переводчика к оригинальным смыслам родного языка. Инструментом этой операции

⁵ Работа «Der Ursprung des Kunstwerkes» («Исток художественного творения», 1935/36) знаменует поворот от логико-грамматического подхода к языку к пониманию языка как поэтического высказывания (Heidegger, 1950a).

служит этимологизация, которой уделял внимание и Ортега-и-Гассет, называя человека этимологическим животным. Таким образом, этимологизация выступает не только универсальным алгоритмом оригинального философского текста, но и универсальным алгоритмом перевода философов. Алгоритм Хайдеггера — кружение, углубление и возвращение, в том числе и в переводе. Алгоритм Лосева — последовательное отсечение ненужного, апофатическое продвижение, отшелушивание, в том числе и в переводе.

Несмотря на эту разницу, перевод и Лосева, и Хайдеггера можно назвать *ретроспективным*, подразумевающим этимологизацию или контекстуализацию древних текстов — более древних, чем переводимый. При таких подходах принципиальным становится выявление оригинального значения, а следовательно, заведомое преимущество в толковании получают наиболее древние тексты. С другой стороны, если воспринимать этимологизацию как перевод, то тогда перевод присутствует в абсолютном большинстве философских текстов (Азарова, 2010, с. 306). Историческая привилегия досократиков, по Хайдеггеру, состоит в отсутствии метафизической традиции, сейчас бы мы сказали, в отсутствии нагруженности сознания интертекстами. Язык гомеровской «Илиады» воплощает абсолютно не субъектный способ мышления, к которому стремится сам философ: преодоление метафизики требует возвращения к мысли досократиков, и это обеспечивает саму возможность перевода. Перевод, таким образом, становится ключом к продвижению в мысли и изменению направления современного мышления. Вектор перевода, по Лосеву, может быть направлен и в сторону последователей: «...у Плотина в зародыше и что приходится тут додумывать самому, то самое нашло последнее свое философское осознание и логическую формулу. Он [Прокл] договаривает Плотина и завершает его» (Лосев, 1999, с. 912).

Оппозиция *перевод vs неперевод* соотносится как с многоязычным обликом текста, поскольку целый ряд слов дается на двух и более языках, так и с проблемой иерархии языков. Для этимологизации нужно межъязыковое пространство, обращение к нескольким языкам, и перевод в таком случае уже не бинарен. Однако тема многообразия языков по отношению к переводу звучит скорее как тема иерархии языков. Характерная для античника любовь к двум языкам — греческому и родному — объединяет Хайдеггера и Лосева. Множественность не просто подразумевает иерархию — языки и культуры выстраиваются по критерию близости к Бытию, и этот критерий, конечно, обеспечивает превосходство древнегреческого: «...die Griechen von früh an das Sein des Seienden als die Anwesenheit des Anwesenden erfahren» (греки с самого раннего времени мыслили бытийствующее бытие как присутствие присутствующего) (Heidegger, 1976, S. 376). Для Лосева попытка вернуться к онтологическому мышлению греков служит критерием положительной оценки современной философской системы: «Ну вот только Владимир Соловьев. Он защищал тезис Чернышевского, что прекрасное это жизнь. Так же как греки, онтологично» (Бибихин, 2006, с. 23).

То, что греческий язык философский, то есть более пригоден для философского высказывания, не значит, что он максимально нагружен философской терминологией. Интересно сравнить позицию Лосева, Хайдеггера и Ортеги-и-Гассета как классиков по отношению к противопоставлению греческого и латыни. Греческий признается языком, дающим наибольшие возможности для мышления. Отсюда сокрушительные последствия перевода греческих философских понятий на латинский (романский), которые приводят к совершенно чуждому грекам способу мышления. По Хайдеггеру, буквальные переводы латинизировали греческую мысль, в латинских периодах уже не слышно греческого слова.

Лосев, однако, гораздо более лоялен к латыни. Во-первых, он допускает, что греческий текст может быть прекрасно переведен на латинский: «Огромный труд Фичино [1469], прекрасно переведшего всего Плотина на латинский язык и снабдившего свой перевод ценными примечаниями, всегда будет с благодарностью изучаем каждым исследователем Плотина» (Лосев, 1999, с. 827–828). Перевод с греческого на латинский, таким образом, не только возможен, но и может быть прекрасным.

В этом контексте интересны замечания Лосева о том, что он регулярно переводит на латынь и на греческий в качестве игры, отдыха или упражнения: «Когда мне не спится, я перевожу с русского на латынь и греческий. Что придется. Стихи, молитвы, разговоры... Когда переводим на латынь с аспирантами, то идут только стихи Пушкина, Лермонтова и Державина. “Я помню чудное мгновенье...” — это же и легче перевести. Это легче сказать по-латински, чем какую-нибудь тошнотворную гадость из Попова» (Бибихин, 2006, с. 130).

Перевод с классического языка ставит перед философом и филологом-классиком вопрос о внутренней иерархии языка переводимого текста и принимающего современного языка. Иными словами, это вопрос о том, существуют ли языки пригодные и непригодные для перевода ни них. Немецкий признавался Хайдеггером (а за ним Ортегой-и-Гассетом) языком, имеющим огромный философский потенциал. Стремясь доказать это, во «Введении в метафизику» Хайдеггер перечисляет те грамматические категории, которые присутствуют и в немецком, и греческом, но отсутствуют в других европейских языках. Утверждение превосходства одного языка над другим имеет прямое отношение к положению о непереводимости: иерархия языков делает принципиально непереводимым философский текст, написанный на «высшем» языке на условно «нефилософский» язык.

Преобразование родного языка и неприятие «словарного» перевода — основной пафос Лосева, который сближает его с и Хайдеггером, и с Ортегой-и-Гассетом. Для Лосева и Хайдеггера перевод — это прежде всего перевод *слов*, но не *словарный* перевод, а для Ортеги-и-Гассета любое привнесение теории эквивалентности в перевод приводит к заведомо отрицательному результату (Ortega Arjonilla, 1998). Согласно Лосеву, попытка поисков словарных эквивалентов не может быть успешной по определению: «В настоящем языке каждое слово имеет свою интона-

цию. В данном случае ты его так понимаешь, а потом наоборот. Перевод слова на логику — это вздор. Не верь этой логической редукции. Тут провал структурализма» (Бибихин, 2006, с. 98). Суть перевода состоит во внимательной интерпретации слов родного языка, а идеальный алгоритм перевода философского текста — мыслить все обыденные слова как философские термины: «Ум очищенный... Умный мир... Это слово *умный* надо нам как-то заменить. Конечно, у богословов оно принято. Но словоупотребление меняется. Сейчас *умный* значит хитрый. А чем заменить — не знаю» (Там же, с. 24).

Интерпретация на принимающем языке неизбежно приводит к созданию окказиональных слов, которые группируются в гнезда, и этот прием характерен как для Лосева, так и для Хайдеггера. Уже на основе перевода часто появляется новая категория, которая требует нового философского термина. Авторский неологизм мотивируется требованием точности, как например у Лосева: «Эйдос есть нечто неделимое целое. Тем не менее его вполне возможно рассматривать по отдельным частям и как бы *счислять*. Тогда потенциально — энергично — эйдетическое число, не теряя своей умности, превращается в то $\alpha\rho\iota\theta\eta\tau\acute{o}\nu$. Это — не число, но нечто, принимающее форму числа, или, как я осмеливаюсь переводить, нечто *очисленное* <...> Итак, в сфере умности мы находим число и *очисленность*... — Что же происходит при переходе этой числовой и *очисленной умности*...» (Лосев, 1999, с. 886). В этом пассаже можно отметить не только блестящий корневой повтор, но и метаязыковое высказывание о переводе: «...сказать сосчитанное, вычисленное» — «не выражает того, что надо здесь Плотину». Заметим, надо Плотину, а не Лосеву, то есть правильный перевод нужен *оригиналу*: переводчик неизбежно апроприирует авторство, и такой подход более характерен для философа, а не для филолога.

Если у раннего Хайдеггера внимательность к языку приводит к изобретению новых терминов и понятий, то у среднего и позднего Хайдеггера — к обращению к первоначальному (оригинальному) содержанию языка. Для Хайдеггера в переводе очень важно разграничение между словами (*Worte*) и терминами (*Wörter*). Если мы считаем, что слово одного языка может быть адекватно передано словом другого, то есть может быть найден точный эквивалент, то мы вообще должны отказаться от такого занятия, как перевод, так как идея буквального перевода обречена на провал. При переводе важен иной тип многозначности, отличный многозначности словарных статей. Хотя словарь претендует на то, чтобы давать правильную информацию о значении слова, «такая правильность заслоняет понимание истинности того, что означает и может означать слово, когда мы задаем вопрос о пространстве сущего, воплощенной в слове» («diese Richtigkeit noch nicht die Einsicht in die Wahrheit dessen, was das Wort bedeutet und bedeuten kann, sofern wir dem im Wort genannten Wesensbereich nachfragen») (Heidegger, 1984, S. 75). Все словарные статьи и просто перечисление списка существующих значений оказываются нерелевантными. Хайдеггер заинтересован в сохранении многозначности, которая сопротивляется всем попыткам перевода, и это тоже своеобразная позиция неперевода. Он

стремится пролить свет на свой язык, найти способ говорить на своем языке в непривычном и неудобном виде. Хайдеггер здесь гораздо более радикален, чем Лосев, хотя движется по тому же пути.

Утверждение, что перевод заставляет пересмотреть отношение к родному языку близко Вальтеру Беньямину: если Хайдеггер делает акцент на истоках и основаниях родного языка, то Беньямин — на способности такого языка звучать непривычно, даже вызывающе непривычно (Беньямин, 2000). Хайдеггер развивает мысль Ницше о том, что нужно услышать язык, в том числе свой собственный, наострить слух. При этом слушать язык — не значит слушать разговорную речь, здесь речь идет именно о языке, а не о речи. Интересно, что можно слушать и *письменный* язык (например, поэзию) вплоть до того, чтобы слышать буквы, а не только звуки, отражая это в переводе. И у Лосева, и у Хайдеггера развит анаграмматический слух, что сказывается как в использовании звукописи как приема организации текста, так и в предпочтении тех или иных философских терминов, нередко связанных с именем автора.

Критерий «ясности» перевода и сам концепт ясности регулярно появляется в текстах обоих философов в связи с переводом. Телеология перевода, по Лосеву, состоит в стремлении довести понимание до «желанной ясности» (Лосев, 1999, с. 826): переводить только то, что понимаешь, — это его правило, и подход к пониманию должен быть аналитическим, *расчленяющим*. Ясность и связность (дискурсивность) Лосев относит к безоговорочным достоинствам текста, утверждая, что перевод должен быть яснее оригинала: «Философы мало заботились о том, чтобы мы их понимали» (Там же, с. 865).

Хайдеггер, в свою очередь, мыслит перевод как *пробуждение* или *прояснение*. Можно сказать, что в переводе он использует технику *бесконечного прояснения*. Постоянное возвращение к корням, все более глубокое откапывание, кружение и возвращение: мы должны понимать греков лучше, чем они понимают самих себя (Heidegger, 1976, S. 55). У Лосева это сформулировано не так смело, но внесение полной ясности в перевод и, соответственно, в текст он также считает вполне возможным. Хайдеггер идет от самого простого (обыденного) смысла, в котором мы можем понимать греческое слово, постепенно пролагая поэтапный путь вдумчивого перевода. Он обращает внимание на те точки, в которых перевод не соответствует вещам (бытию), буквально «слетает с петель».

Так, в «Изречении Анаксимандра» Хайдеггер приходит к необходимости переводить *Адikia* 'несправедливость' как «бес-порядок», *Un-Fug* (Heidegger, 1950b, S. 371–372), а рассматривая греческое *τισις* 'наказание', он отказывается от дословного перевода (*Strafe*), потому что он не отражает бытийного смысла слова, и предлагает переводить его как «принятие во внимание», «принятие к рассмотрению или учитыванию». Хайдеггер пользуется в переводе не только «странным» современным немецким, но и средневерхненемецким, из которого он заимствует, например, знаменитый термин *Ruoche* 'забота'. Слова Анаксимандра не будут говорить нам, если мы будем объяснять их чисто историческим или филологическим методом (Ibid., S. 372).

Лосев, в свою очередь, последовательно идет к достижению максимальной ясности, используя апофатические техники отсечения нерелевантных интерпретаций, но ясность здесь в том числе и пропедевтическая задача. Он допускает в переводе «страшные повторы. Как ощупывание в потемках» (Бибихин, 2006, с. 18), что можно сравнить со специфическим прояснением смысла слова у Хайдеггера. Здесь возникает проблема сохранения целостности текста, при наличии большого количества интерпретации и комментариев: «Я [Лосев] не буду пренебрегать никакими средствами для достижения полной ясности и связности мыслей этого трактата. Я разбиваю сложную мысль на мелкие звенья и слежу за ее малейшим движением» (Лосев, 1999, с. 828). По существу, это позиция неперевода: она утверждает несамодостаточность переводного текста.

В свою очередь Ортега-и-Гассет, критикуя структурализм, вводит терминологическую оппозицию *decir vs hablar* ('сказать' vs 'говорить'). Если *говорить* — это социокоммуникативный акт, основанный на принятых конвенциях, то *сказать* — всегда персональный акт, воплощающий интенцию субъекта. Каждое *сказать* погружено не столько в лингвистический, сколько в витальный контекст, предполагающий возможность грамматических девиаций, важность жестов и соотношения говорения и молчания. Поэтому каждое *сказать* недостаточно, то есть оно говорит меньше того, что хочет выразить, но одновременно каждое *сказать* избыточно, так как способно дать понять больше того, что полагается на чисто лингвистическом уровне. Традиционный перевод обречен на неудачу, потому что он экспликативен, адресован и основан на алгоритме перевода из режима *сказать* в режим *говорить*. Одним из средств воссоздания *сказать* оригинала и перенесения его в иную культурную систему могут быть комментарии, грамматические девиации и этимологизация. Ортега-и-Гассет, защищая неперевод в его противостоянии традиционному переводу, допускает и различные грамматические девиации, и многочисленные комментарии. В свою очередь Лосев признает комментированный перевод заведомо более удачным, чем некомментированный; ср. характерное утверждение: «Не везло трактату VI и в смысле переводов, тем более комментированных» (Там же, с. 827–828). Характерная особенность комментариев Лосева — комментарии до перевода, а не после — перевод выступает своеобразным «приложением» к комментариям: свой перевод он называет «интерпретирующим» (Там же, с. 943). Но и у Хайдеггера утверждается, что любой перевод должен быть интерпретацией, особенно если речь идет о мертвых языках.

Позиция неперевода — это отсутствие веры в возможность существования целостного переводного текста для трудных авторов. В какой-то мере такая позиция характерна для молодого автора: когда речь идет «о непереуведенном и почти забытом философе, то изложение в общем не может не оказаться пестрым. Этот путь, однако, избираю я [Лосев] сознательно...» (Там же, с. 829); «Я [Лосев] ставил своим принципом сделать текст Плотина во что бы то ни стало ясным, даже ценою

привнесения в текст моих собственных дополнений, пояснений, толкований и резюме» (Там же, с. 943). Отсюда неизбежно обилие квадратных скобок, которые эксплицитно достраивают текст, что в свою очередь можно сравнить с традицией переводов и издания мистических текстов, например каббалистической книги Зогар на испанский язык, где текст также существенным образом достроен. Приведем характерный пример: «Нужно идти [при переходе от одного к другому] к одному и [затем] переходить к другому одному и [тем] создавать два и создавать также и еще иное в отношении нас» (Там же, с. 875). Лосев несколько раз возвращается к оправданию приема квадратных скобок: «Тексту Плотина это несколько не вредит, потому что все принадлежащее в тексте лично мне я заключаю в квадратные скобки, так что, кому не угоден я в качестве комментатора и интерпретатора, тот может остаться только с одним Платином... Я же три четверти своего труда положил на эти вот квадратные скобки...» (Там же, с. 943).

Обратим внимание на еще одну особенность форматирования переводов Лосева: «...текст передается в расчлененном виде — так, что новая мысль начинается и с новой строки, и подчиненные мысли отмечаются как таковые особыми обозначениями» (Там же, с. 942–943). Здесь интересно не столько деление на главное и второстепенное, то есть та аналитика, о которой уже шла речь, а возникающий в результате подобного членения своеобразный ритм, создающий звучание близкое к поэтическому.

Возвращаясь к проблеме многоязычия и иерархии языков, можно поставить вопрос об отношении к чужим переводам. Эта проблематика в большей мере касается Лосева, чем Хайдеггера или Ортеги-и-Гассета: сюда относятся и критика переводов — как философских, так и поэтических: «Говорили о романтиках. О переводах. В переводах Пастернака только половина Шекспира и Гёте передана» (Бибихин, 2006, с. 144); «Аверинцев в четырехтомнике Платона перевел “Тимея”. Отсебятины много. Ведь он тоже модернист и декадент... У Аверинцева в переводе “Тимея” столько отсебятины, что это граничит с ошибками. Он путал $\gamma\acute{\iota}\nu\omicron\mu\alpha\iota$ и $\gamma\epsilon\nu\nu\acute{\alpha}\omega$ — $\gamma\acute{\iota}\nu\omicron\mu\alpha\iota$ ‘становлюсь’, $\gamma\epsilon\nu\nu\acute{\alpha}\omega$ ‘порождаю’. Что из того, что если соблюдать это различие, то у Платона появляется противоречие? Пусть! Я в статье по “Тимею” на все эти противоречия указал» (Там же, с. 99). С другой стороны, переводы на разные языки, по Лосеву, входят в обязательную историю интерпретации текста — вспомним уже упомянутый выше «огромный труд Фичино» по переводу Плотина, а также «французский перевод Буйе (*Bouillet*), изучать который доставляет прямое наслаждение» (Лосев, 1999, с. 827–828).

В желании Лосева «изучать перевод» можно видеть подход, близкий к билингвальному мышлению о переводе у современных лингвистов. В то же время этот тип перевода — перевод как изучение и достижение ясности — можно назвать аналитическим, свойственным именно научному переводу: другими словами, здесь Лосев позиционирует себя как филолог и историк философии. Переводы предшественников, в том числе старые, должны стать предметом изучения последующих пере-

водчиков: Лосеву небезразлично и время перевода («Фичино в XV веке, Буйе и Мюллер в XIX веке и я — в XX веке» (Лосев, 1999, с. 828)), а это свидетельствует не только об историческом подходе, оценке прошлых переводов и выстраивании линии предшественников, но и о том, что каждое время требует своего перевода — оригинал «возрастает» от количества хороших переводов (Азарова, 2021, с. 322).

Хайдеггер неоднократно выступает с критикой понимания языка как коммуникации, а Ортега-и-Гассет в своей теории «говорить и сказать» критикует традиционный перевод из *сказать* в *говорить* как перевод, подчиненный некому коммуникативному алгоритму. Если он, как и Хайдеггер, занимает в теории перевода жестко антикоммуникативную позицию, то Лосев, напротив, делает акцент на коммуникации, адресованности перевода: «...надеюсь, и образованный читатель оценит трудности перевода и интерпретации и разделит со мной радость по поводу достижения ясности» (Лосев, 1999, с. 829). Адресат перевода Лосева — читатель, поставленный в позицию ученика, поэтому типичная конструкция в тексте Лосева — научное или пропедевтическое *мы*: «Мы нашли подлинную сферу зарождения числа и определили в этой сфере его подлинное место, и нигде нам не понадобилось прибегнуть к помощи психологизма и субъективизма» (Там же, с. 875). О пропедевтике и практически-коммуникативной телеологии перевода говорит и лосевская конструкция «пользуясь переводом» (Там же, с. 943). Вряд ли Хайдеггер считает возможным *пользоваться* переводом — его подход к переводу автокоммуникативен.

Применим ли критерий научности при характеристике или оценке перевода? Так как перевод Лосева адресован, коммуникативен, он предполагает оценку экспертов и читателей: «Плотин труден и в смысле терминологии, и в смысле широкого и многостороннего потока философской прозы, и в смысле краткости и отрывочности выражения.... Все это должно быть принято во внимание при оценке моих переводческих достижений» (Там же, с. 942). Лосев противопоставляет свой перевод «стереотипному корректному переводу» (Там же), имея в виду грамматически корректный перевод, сохраняющий целостность текста, в том числе количественную. Несмотря на аналитизм перевода, его коммуникативность и адресованность, Лосев настаивает, что это скорее философский, а не филологический перевод: «Отсюда единственная моя претензия сводится к тому, что мой перевод кажется мне философски точным, то есть он адекватно передает мысли философа и их логическую связь. А есть ли тут филологическая точность, это должно иметь второстепенное значение, хотя я не пренебрегал и ею» (Там же, с. 943).

Хайдеггер еще более радикален: перевод должен быть осуществлен невзирая на то, насколько «насильственным», «неправильным», «неверным» он может показаться тем, кто ожидает привычного (словарного) перевода (Moore, 2016, p. 247–248). У Лосева можно увидеть некоторую аналогию в объяснениях количественного несоответствия текста повторов, брошенных фраз и так далее. Ортега-и-Гассет говорит, что перевод допускает такую форму, которая «будет некрасивой, которая не будет претендовать на литературный успех», это текст, который

«будет нелегко читать, но который будет очень ясным, хотя бы эта ясность и требовала огромного количества примечаний в конце страницы» (Ortega Arjonilla, 1998, p. 113). По Хайдеггеру, подобный перевод не может быть оправдан или доказан научно, и за доказательством его верности мы не можем обратиться к каким-либо авторитетам. Заставляя язык говорить, Хайдеггер привносит в перевод своеобразный языковой мистицизм, но это не мистика в бытовом смысле слова: по Хайдеггеру, идеальный философский перевод не может быть научным — он должен быть неправильным, не находимым в привычном словарном алгоритме, но при этом верным. *Неправильный, но верный* — прекрасная формула для неперевода.

Идея неперевода проявляется и в том, что хороший перевод не достижим с первой попытки: переводчик должен постоянно возвращаться к оригиналу, возобновляя процесс перевода снова и снова. Интересно, что, несмотря на утверждение о невозможности адекватного перевода, Ортега-и-Гассет призывает переводчиков не отказываться от перевода, но, напротив, совершать все новые его попытки. Для Хайдеггера перевод — это творческая апроприация, у Лосева — то же, но в гораздо меньшей степени, но и у того, и у другого перевод представляется бесконечным, повторяющимся процессом: «Переводить Аристотеля трудно. Я [Лосев], например, переводил 13 и 14 главы “Метафизики”. Сейчас смотрю и думаю: как я скверно переводил! Не знал того, что знаю сейчас... Я [Лосев] свои первые переводы ценю очень низко. Сейчас бы я совсем иначе переводил всё» (Бибихин, 2006, с. 100).

Наконец, для Хайдеггера перевод — не техническая задача результативного перевода с языка на язык, а своеобразный вид медитации, дающий возможность переводчику находиться в своего рода «межъязыковом» пространстве. Он считает, что мы должны начинать переводить несмотря на то, насколько неверной нам кажется первая попытка перевода, и совершать множественные подходы к переводу спустя какое-то время. Для философов перевод — это *неперевод*, и результат такого перевода — продолжение мысли, а не какой-либо конечный продукт.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00429) в Институте языкознания РАН.

Список литературы

Азарова Н. М. Язык философии и язык поэзии — движение навстречу (грамматика, лексика, текст). М., 2010.

Азарова Н. М. Поэзия Ду Фу и стратегия современного поэтического перевода // Ду Фу. Проект Наталии Азаровой ; пер. с кит. М., 2021.

Беньямин В. Задача переводчика, 1923 // Беньямин В. Озарения / пер. Н. М. Берновской, Ю. А. Данилова, С. А. Ромашко. М., 2000. С. 46–57.

Бибихин В. В. Алексей Федорович Лосев. Сергей Сергеевич Аверинцев. М., 2006.

Лосев А. Ф. Самое само. М., 1999.

Фокин С. М. Перевод как незадача русской философии: Шестов, Бахтин, Подорога... Пушкин // Логос. 2011. №5-6. С. 212–236.

De Gennaro I. Heidegger on Translation – Translating Heidegger // *Phänomenologische Forschungen*. 2000. Vol. 5, №1. P. 3–22.

Groth M. Translating Heidegger. Toronto : University of Toronto Press, 2017.

Heidegger M. Der Ursprung des Kunstwerkes (1935/36) // Heidegger M. Holzwege. Frankfurt a/M, 1950a. S. 1–74.

Heidegger M. Der Spruch des Anaximander (1946) // Heidegger M. Holzwege. Frankfurt a/M, 1950b. S. 321–373.

Heidegger M. Einleitung zu «Was ist Metaphysik» // Heidegger M. Gesamtausgabe. I. Abteilung: Veröffentlichte Schriften 1914–1970. Bd. 9. Wegmarken. Frankfurt a/M, 1976.

Heidegger M. Hölderlins Hymne «Der Ister» // Heidegger M. Gesamtausgabe. II: Vorlesungen 1923–1944. Bd. 53. Frankfurt a/M, 1984.

Maly K. Translating Heidegger's Works into English: The History and the Possibility // Heidegger Studies. 2000. Vol. 16. Being-historical Thinking and Fundamental Ontology: Greek Tradition in and beyond Modern Physics. P. 115–138.

Moore M.A. Heidegger's Attentiveness to Language: A Question of Translation and «Original Contents». Annandale-on-Hudson, 2016.

Ortega Arjonilla E. El legado de Ortega y Gasset a la teoría de la traducción en España // *La traducción en torno al 98* / ed. R. Martín-Gaitero. Madrid, 1998. P. 101–116.

Ortega y Gasset J. Prologo // *Ibn Hazm. El collar de la paloma. Tratado sobre el amor y los amantes* / trad. del arabe por E. García Gómez. Madrid, 1952.

Ortega y Gasset J. El hombre y la gente. Madrid, 2016.

Об авторе

Наталья Михайловна Азарова, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора теоретического языкознания, Институт языкознания РАН, Москва, Россия.

E-mail: natazarova@iling-ran.ru

ORCID: 0000-0003-0168-3280

Для цитирования:

Азарова Н.М. Неперевод и перевод у Хайдеггера, Лосева и Ортеги-и-Гассета // *Слово.ру: балтийский акцент*. 2023. Т. 14, №3. С. 12–25. doi: 10.5922/2225-5346-2023-3-1.

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

NON-TRANSLATION AND TRANSLATION IN HEIDEGGER, LOSEV, AND ORTEGA Y GASSET

N. M. Azarova

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences,
1 str. 1, Bol'shoy Koslovskiy per., Moscow, 125009, Russia

Submitted on October 10, 2022

Accepted on February 02, 2023

doi: 10.5922/2225-5346-2023-3-1

The article examines the ideas of Heidegger, Losev, and Ortega y Gasset regarding the possibility and necessity of translating philosophical texts. The concept of non-translation is an acknowledgment of the impossibility of adequately reproducing a philosophical text in

another language while preserving its integrity. Particularly interesting for comparison are the concepts and practices of translation/non-translation found in works written during the same period (1920–1940s), which reveal numerous points of contact. All three philosophers reject conventional translation, proposing instead to consider ordinary words as philosophical terms. Despite the fact that such an approach may make the text appear contradictory to familiar norms, the philosophers insist on the necessity of violating convention. The opposition of translation vs non-translation is related to the multilingual nature of the text, as well as to the problem of language hierarchy and the attitude towards translating others' and one's own texts. Losev and Heidegger employ the technique of retrospective translation, which involves etymologizing or contextualizing texts that are older than the translated text. Etymologization (alongside commentary) is seen as a way to transfer ideas into a different cultural system, and Ortega y Gasset refers to humans as "etymological animals". In Losev's interpretive translation, foreign translations or translations into other languages are viewed as interpretations and become objects of study. While Heidegger repeatedly criticizes the understanding of language as communication, and Ortega y Gasset takes a fundamentally anti-communicative position, Losev, on the contrary, emphasizes communication. Losev and Heidegger operate with the concept of clarity: the former consistently strives for maximum clarity by using apophatic techniques to eliminate irrelevant interpretations of meanings, but clarity is more of a propaedeutic task; the latter does not aim for clarity but utilizes the technique of infinite clarification. Both approaches raise the question of whether the criterion of scientificity is applicable to the translation of philosophical texts.

Keywords: Heidegger, Losev, Ortega y Gasset, translation of philosophical texts, non-translation

The present study was carried out at the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences with the financial support of the Russian Science Foundation, project no. 19-18-00429.

References

Azarova, N. M., 2010. *Yazyk filosofii i yazyk poezii – doizhenie navstrechu (grammatika, leksika, tekst)* [The language of philosophy and the language of poetry – a movement towards]. Moscow (in Russ.).

Azarova, N. M., 2021. Du Fu's poetry and strategies of modern translation of poetry. In: *Du Fu. Proekt Natalii Azarovo* [Du Fu. Natalia Azarova's project]. Moscow (in Russ.).

Benjamin, W., 2000. The task of a translator (1923). In: W. Benjamin, ed. *Ozareniiya* [Insights]. Moscow, pp. 46–57 (in Russ.).

Bibikhin, V. V., 2016. *Aleksei Fedorovich Losev. Sergey Sergeevich Averintsev*. Moscow (in Russ.).

De Gennaro, I., 2000. Heidegger on Translation – Translating Heidegger. *Phänomenologische Forschungen*, 5 (1), pp. 3–22.

Fokin, S. M., 2011. Translation as a failure of Russian philosophy: Shestov, Bakhtin, Podoroga... Pushkin. *Logos*, 5–6 (84), pp. 212–236 (in Russ.).

Groth, M., 2017. *Translating Heidegger*. Toronto.

Heidegger, M., 1950a. Der Ursprung des Kunstwerkes (1935/36). In: M. Heidegger, ed. *Holzwege*. Frankfurt a/M, pp. 1–74.

Heidegger, M., 1950b. Der Spruch des Anaximander (1946). In: M. Heidegger, ed. *Holzwege*. Frankfurt a/M, pp. 321–373.

Heidegger, M., 1976. Einleitung zu «Was ist Metaphysik». In: M. Heidegger, ed. *Gesamtausgabe. I. Abteilung: Veröffentlichte Schriften 1914–1970*. Vol. 9. Wegmarken. Frankfurt a/M.

Heidegger, M., 1984. Hölderlins Hymne «Der Ister». In: M. Heidegger, ed. *Gesamtausgabe. II: Vorlesungen 1923 – 1944*. Vol. 53. Frankfurt a/M.

Losev, A.F., 1999. *Samoe samo* [Selfish selfhood]. Moscow (in Russ.).

Maly, K., 2000. Translating Heidegger's Works into English: The History and the Possibility. *Heidegger Studies*, 16. Being-historical Thinking and Fundamental Ontology: Greek Tradition in and beyond Modern Physics, pp. 115–138.

Moore, M. A., 2016. *Heidegger's Attentiveness to Language: A Question of Translation and «Original Contents»*. Annandale-on-Hudson.

Ortega Arjonilla, E., 1998. El legado de Ortega y Gasset a la teoría de la traducción en España. In: *La traducción en torno al 98*. Madrid, pp. 101–116.

Ortega y Gasset, J., 1952. Prologo. In: Ibn Hāz̄m, ed. *El collar de la paloma. Tratado sobre el amor y los amantes*. Madrid.

Ortega y Gasset, J., 2016. *El hombre y la gente*. Madrid.

The author

Dr Natalia M. Azarova, Professor, Leading Researcher, the Department of Theoretical Linguistics, the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

E-mail: natazarova@iling-ran.ru

ORCID: 0000-0003-0168-3280

To cite this article:

Azarova, N.M., 2023, Non-translation and translation in Heidegger, Losev, and Ortega y Gasset, *Slovo.ru: Baltic accent*, Vol. 14, no. 3, pp. 12–25. doi: 10.5922/2225-5346-2023-3-1.

